

Виктор гордо стоял на высшей ступеньке пьедестала. Сегодня был его день, его победа!

Справа надулся гимнаст из Германии, слева невозмутимо выпячивал грудь японский спортсмен. Немец неожиданно повернулся и по-немецки отчеканил: «Это только победа в упражнениях на кольцах. Посмотрим по итогам соревнований». — «Посмотрим», — ответил по-немецки Виктор. Немец от неожиданности растерянно заморгал.

А вокруг гудел и бурлил многоликий стадион. Лица неразличимы, только мелькающие руки и вынырывающие из общего гула выкрики: «Браво, русо!», «Гуд гемач!», «Уэл доун!». Восторг расплескивался волнами, разбегающимися и вновь соединяющимися в ликующей радости возгласов, которые неслись, вздымаясь в самозабвенной пене восхищения. Порой валы эмоций затихали, сменяясь гладью затишья. Но затем, словно спохватившись, снова хлопотали рокотом упоения. И снова восторг с новой энергией вздымал валы нарастающего гомона объединенных в едином порыве болельщиков.

Но Виктору виделось иное море, спокойное, матовое, словно застеленное синью бархатной скатерти. Вдали зеленел, будто не закрытый тканью, узкий ободок земли.

Именно таким он впервые увидел море через прорезь корпуса баржи. От неожиданности сразу зажмурил глаза, отвыкшие от света. А когда открыл, перед ним играла в лучах солнца живая огромная равнина в легких барашках волн. Сияя на солнце, они несли курчавую пену к горизонту. Все сияло величием и добротой. Солнце окунало лучи в водную гладь, а море, поймав их, улыбалось и искрилось. Глядя на это веселье света, он тогда вдруг подумал: «Ну, вот и смерть пришла. Не сбыться мечте, и флаг страны не сможет подняться в честь моей победы».

Мечта стать гимнастом родилась у Виктора еще в детстве. В клуб привезли фильм, и перед сеансом крутили журнал. Там он впервые и увидел показательные выступления гимнастов. Гибкие и легкие, статные и красивые, спортсмены легко и непринужденно взлетали вверх, крутились, демонстрируя сальто, соскоки, пируэты, шпагаты. От восхищения у мальчишки перехватило дыхание. Девушки в черных купальниках были полны изящества и грациозности. Они, как кошки, ловко запрыгивали на узкое бревно и, стоя на цыпочках, будто резиновые, изгибались в немыслимых позах. Потом, окутанные змеящейся лентой, порхали точно бабочки над лугом. Атлеты с буграми мышц взлетали на кольца и показывали в упражнениях потрясающее владение телом. Затем, зависнув в воздухе, резко падали, словно ныряли вниз рыбкай, и не успеваешь дрогнуть, как в мгновение от пола гимнаст взвивался в перевороте и победно приземлялся на ноги.

Полгода назад Виктор остался равнодушным к полету гимнастов под куполом цирка. А вот сейчас перед сеансом от восхищения у него перехватывало дыхание.

Возвращаясь из клуба, ребята наперебой обсуждали фильм, а у него перед глазами крутились только гимнасты. Задумавшись, Виктор неожиданно воскликнул: «Как же красиво!»

— Чик, да что ты красивого в фильме узрел? — ехидно сузив глаза, спросил Петька, прозванный за задиристость Атаманом.

Растерявшись, Виктор промямлил: «Я про гимнастов, а не о фильме» — и, заикаясь, закончил: «К-к-которых в журнале п-п-показывали!»

От волнения он вдруг стал заикаться.

— Видел журнал. Мурá твои гимнасты, — презрительно скривился Петька.

— Сам мурá.

— Ах, так!

Петька грозно сжал внушительные кулаки. Виктор поначалу внутри весь сжался, желая врасти в землю, а на деле выпрямился и, глядя в глаза противнику, тоже демонстративно сжал кулаки. Мальчики сцепились и, упав на землю, стали, сопя, барахтаться в пыли. Проходящая мимо почтальонша грозно крикнула: «Вот родителям скажу — ремня хорошего выпячат!»

Ребятня бросилась наутек.

Вечером Виктор долго не мог заснуть. Выцветшие обои и фотографии дедушки не стене уже скрылись в полумраке. Только падающий из окна на половицы коралловый свет заходящего солнца словно звал куда-то. Волнение не проходило, как будто он увидел чудо, все изменившее вокруг.

Тихо подошла мама.

— Какой-то ты сегодня, сынок, взъерошенный.

Она всегда говорила нараспев и близоруко шурилась, словно извиняясь за свою речь.

— Мама, я сегодня увидел сказку.

— Фильм, говорят, на самом деле чудесный!

— Я не о нем, а про гимнастов. Их в журнале показывали.

— Расскажи, Витюша.

И сына уже было не остановить.

Мать, счастливо улыбаясь, подытожила: «Даже ни разу не заикнулся, хоть и волновался. Вот что гимнастика сделала!».

На следующий день даже на уроке он представлял пируэты и махи гимнастов.

— Чикалин, к доске!

Но Виктор не услышал.

— Он в гимнастку влюбился, — ехидно выпалил с последней парты Петька.

Класс взорвался смехом.

Однако после занятий Петька протянул ему руку:

— Мир? Меня все боятся, а ты не из трусливых.

Фильм крутили две недели, и каждый вечер Витя приходил в клуб. Детвору пропускали без билетов, он садился на поскрипывающий дощатый пол и, не отрываясь, смотрел журнал, затем, не дожидаясь фильма, уходил. Но все когда-нибудь заканчивается. Увезли этот и привезли новый фильм. И Виктор вдруг растерялся, как будто почва из-под ног ускользнула. Опустошенный, он лежал в полумраке спальни. Из окна вновь падал свет заходящего солнца, но не радовал зайчиками, а словно поглощался темнотой. Рядом послышалось покряхтывание отца, который сказал:

— Сынок, «мы родились, чтоб сказку сделать былью». Так в песне поется. Все во власти человека. Запомни это. Спи. Завтра поговорим.

Возвращаясь на следующий день из школы, Витя уже издали услышал стук молотка и скрежет металла. Открыв калитку, увидел, что отец из остатков ржавых труб соорудил турник с перекладиной.

— Это для начала. Попробуй, твое ли это? — широко улыбнулся отец.

— Папка! — расцвел мальчик.

Сначала попробовал подтянуться на перекладине. Пару раз удалось. Обрадовавшись, попробовал сделать подъем переворотом, как в том журнале, но неуклюже упал. Боль пронзила тело. Голова гудела. Пальцы рук были в пыли, он обтер их машинально о штаны.

В окне показалось лицо отца.

— Начало есть. Что-то получилось. Без падений побед не бывает!

Так начались его ежедневные упражнения и освоение турника. Скоро он подтягивался десять раз, делал подъем переворотом.

Правда, еще продолжал падать. Все тело было в ссадинах и синяках. Он даже не мог себе объяснить, почему снова и снова шел к турнику, еще не осознавая, что это становилось внутренней потребностью, состоянием души.

— Сынок, может, хватит? Весь синюшный! — причитала мать.

— Да это только синяки, они не болят, — бодро утешал маму Витя.

— Худоба ты моя, а гимнасты ведь рослые и плечистые, сам говорил!

— И я таким обязательно буду.

В тот же вечер, засыпая, он услышал в окно разговор родителей во дворе.

— Откуда в нем такое упорство? — слышался удивленный голос матери.

— Это неудержимость мечты. Мне этого не было дано, пусть хоть сын узнает счастье победы.

— Ладно бы так. А если не получится?

— Все получится. Сегодня мечта, завтра реальность. Будущее за теми, кто верит в мечту!

Спустя много лет Виктор узнал, что отец в юности мечтал стать геологом и была у него любовь. Но получилось так, что стал учителем и женился на другой. Но тогда Виктор этот разговор родителей толком не понял и наутро забыл. Его тогда томила другая неопределенность.

— Нужно узнать, как правильно делать эти упражнения. А так все без толку, — в очередной раз размышлял он, сидя на крыльце.

Открылась калитка, и отец позвал:

— Вставай скоренько, пойдем, — сказал он.

— Куда?

— Увидишь.

И вот они вошли в обшитоое щитами здание с большими мутными стеклами, оказавшееся спортивным залом. Синие стены смотрели на них приветливо, но обшарпанный пол недовольно закрипел. Виктор испуганно остановился. Пахло краской и пылью. В углу возвышалась груда матов. В середине зала переминались с ноги на ногу в трико девочки и мальчики, человек десять. У канатов стоял пожилой мужчина, подтянутый и атлетически сложенный, это был тренер. Звали его Стас Григорьич. Оказывается, в детской спортивной школе только закончился набор в секцию гимнастики. Отец с мужчиной пошептались.

Витю усадили на скамейку, и тренер сказал:

— Пока посиди и посмотри. После занятий поговорим.

Мальчик приготовился посмотреть на пируэты и сальто. Но тренировка была такой же, как на занятиях физкультуры в школе. Гимнасты бегали по кругу, прыгали со скакалкой и в длину. Вите стало скучно. Он встал, подошел к брусьям. Их отполированная поверхность блестела и манила.

«Это тебе не ржавые трубы во дворе, — подумал он. — На таких снарядах тренироваться в радость».

Между тем занятия продолжались. Мальчики поднимали штангу, девочки у стенки махали ногами. Самая высокая девочка важно показывала остальным, что может поднять ногу почти до уровня плеча. Закончились занятия игрой в баскетбол.

Поникший Виктор ерзал на скамейке. Подошел тренер.

— Понравилась тренировка?

Виктор равнодушно пожал плечами:

— Не совсем. Бег, прыжки, баскетбол.

— А сальто и пируэтов не увидел? Считаешь, что сразу надо на кольца или брусья? Милый мой, для перехода к специальным упражнениям нужна хорошая физическая подготовка, это основа любого вида спорта. На наших занятиях были не просто упражнения. Бегом и ходьбой мы развиваем выносливость, прыжками в длину — быстроту, баскетболом — ловкость, силу развивают подтягиванием на перекладине. И только после общей приступаем к специальной подготовке: упражнениям на гимнастической стенке для развития гибкости, прыжкам со скакалкой для выносливости, упражнения с гирями, гантелями для силовых качеств. К специальным гимнастическим упражнениям перейдем не раньше, чем через четыре месяца. А кто не выдержит — не перейдет. Ведь гимнастика — это не только красота. Красота — это результат, а вначале тяжелый, постоянный и изнурительный труд. И только он приведет к победе и совершенству. И то не сразу, и не по мановению волшебной палочки, а благодаря упорному труду. Ты готов идти до конца?

Витя кивнул.

— И имей в виду, что не всегда занятие и выучка смогут создать гимнаста.

Видишь Веру? — тренер взглядом показал на важничающую девочку.

— Так вот. Из нее не получится гимнастки, завтра об этом скажу ее родителям.

— Но она очень гибкая! Даже может ноги поднять до плеч!

— Основа гимнастики — выворотность ног. Умение по-иному развернуть стопы наружу. Без этого многие гимнастические упражнения невозможны. Одним это дано, а другим — нет, и никакими упражнениями суставы не «развернуть», можно только травмировать. У нее этого нет. Так что не каждый может стать гимнастом. Подумай, у тебя есть время. Если не передумаешь, то завтра жду на тренировку.

На следующий день Витя за полчаса до занятий уже сидел на скамеечке.

— Предупреждаю сразу, — осадил пыл новенького тренер, — чтобы стать гимнастом, надо уменьшить свои права и вдвое увеличить обязанности.

— К этому я готов, только бы стать чемпионом, — вздохнул с облегчением Виктор.

Тренер в ответ только улыбнулся:

— Значит, станешь!

Вчера казалось все просто, но после первой тренировки Витя еле стоял на ногах от усталости. А один из той же секции, Максим, оценил его взглядом и назидательно изрек:

— Знай, салага, жизнь гимнаста — это борьба, с махами, остановками, падениями и соблазнами.

И начались тренировки, с выработкой упоров, висов, шпагатов, выкрутов, сальто.

— Упражнения на гимнастических снарядах выполняются силой и махом. Это главное, — повторял тренер.

Но для Вити не только это оказалось главным.

Остановил его самый простой спортивный снаряд — деревянное туловище на четырех металлических ножках.

— Сей снаряд называется спортивным конем. Теперь начнем покорять его, — заявил тренер.

— Точно лошадь, но безголовая, — хохотнул Максим.

Все гимнасты засмеялись, тренер, улыбнувшись, продолжил:

— Тут все просто. Разбегаешься, подпрыгиваешь на пружинящих ногах, ноги сами разведутся, а руки найдут, где оттолкнуться, и не заметишь, как перепрыгнешь. При приземлении спина выгнута, руки вверх. Запомни: беги к коню, не думая.

Но Витя, побежав к коню, как назло, прикидывал, сможет или нет он перепрыгнуть, и перед снарядом встал, как вкопанный, ноги не оттолкнулись, а сердце испуганно заколотилось. Так повторялось из раза в раз...

— Еще один на отчисление, — крикнул Максим и ехидно ухмыльнулся.

Витя был сам не свой.

После занятий тренер его оставил.

— Витя, самая большая ошибка, что ты стал думать, как перепрыгнуть. А конь этого не любит, потому и не дается. Попробуй оседлать его. Заберись, посиди, попривыкни, поползай по нему. И когда сроднишься с ним, то выходи на старт.

В тот день Витя около получаса часа сидел верхом на коне, называл Сивкой-Буркой, нахваливал и просил покориться.

Потом вышел на исходную позицию и побежал, уже уверенный, что конь не подведет, и... легко перепрыгнул — все оказалось так просто!

Потом покорялись брусья, кольца... Сколько Виктор падал, знает один только Господь Бог. Часто ночью просыпался, промахиваясь и падая даже во сне. Но снова приходил в зал. Наверное, это судьба. А еще так хотелось стать чемпионом! И чтобы в честь его победы звучал гимн страны и поднимался флаг!

Если в спорте он уже все строго и точно определил, то первая любовь пришла внезапно. Это была — Аня. Тоже гимнастка. Тоненькая, с широким лицом в веснушках и с носом картошкой. И еще с большими синими глазами. Когда она улыбалась, то глаза сияли, словно гладь озера. В переулке, за углом школы, был пруд. Они любили, держась за руки, ходить туда и смотреть на уток. Пруд был небесно-синий, бездонный, как глаза у Ани, и окутан зарослями камыша. Между синью пруда и облаков о чем-то на ветру шептались стройные зеленые березки. Там их много росло, и ярким ситцем они украшали округу.

Было двадцать второе июня. В то лето у их любимой утки появилось потомство. Маленькие пушистые смешные утята переваливались, неуклюже перебирая лапками, и без конца падали. Утка не успевала за всеми, устало покрикивала на детишек, поднимая клюв. Ее тревожное кряканье кромсало тишину. Но утята, словно не слыша свою мать, норовили везде сунуть свой клюв. Один заглотнул одуванчик и со страху бросился наутек, другой застыл перед озером, рассматривая свое отражение. Утка уже зашла в воду и, перебирая лапками, поплыла, а за ней, толкаясь и суетясь, бултыхнулись несколько утят.

Потом около беседки Витя с Аней ели мороженое и смеялись.

— Меня берут в сборную Союза, запасным, — похвастался Витя.

— Здорово! А у меня сегодня не шли обороты и перемахи, представляешь? Так, знаешь, что тренер сказал? Хочешь быть гимнасткой — умеи вертеться.

Оба звонко засмеялись.

У выхода из парка вокруг динамика собралась толпа. Лица озабоченные.

— Будет правительственное сообщение, — с тревогой в голосе сказала полная женщина, прижимая к груди ведро. Витя с Аней тоже решили послушать. И тут из динамика ударил набатом громкий металлический голос:

— Без объявления войны...

Женщины заголосили.

Не осознав значимости события, Виктор выпалил с досадой:

— Эх, п-п-поездка на ч-ч-чемпионат мира сорвалась.

Аня, посмотрев на него, покрутила пальцем у виска.

Виктор спохватился:

— Не то ляпнул.

Через неделю он стоял на вокзале. Рядом мать и Аня. Отец с братом уже были на фронте. Мать, растерянная, с растрепанными волосами и красными, опухшими от слез глазами, шепотом повторяла: — Сыночек, возвращайся живой...

— Мама, не п-пройдет и м-месяца, фашистов в-вышибем и приду д-домой, — отвечал новобранец. Тогда все думали, что война ненадолго.

— Я тебя ждать буду, — сквозь слезы шептала Аня.

С родными Виктор держался, а как только эшелон тронулся, сам не заметил, как по лицу потекли слезы.

Он стал рядовым 1044-го полка 289-й стрелковой дивизии Юго-Западного фронта.

Несмотря на продвижение немцев, настроение было бодрым, все были уверены, что вот-вот погонят фашистов со своей земли. Поэтому даже на фронте Виктор не забывал о тренировках и в минуты затишья качал пресс, делал махи, отжимания и другие нехитрые упражнения для поддержания физической формы. Его так и прозвали во взводе: Гимнаст. На прозвище Виктор не обижался. В детстве вообще за ним закрепилась кличка «задохлик» и дразнилка «Витя, Витя, королек, мама тити не дает». А в школе сначала звали «каланчой», а затем «гимнастуком». Так что эта кличка была лучше предыдущих.

Во взводе попались веселые ребята. Без смеха и шутки не проходил и час. Вечерами по очереди травили анекдоты. Виктор их не запоминал, но вчера удачно вернул тот, что вспомнился, и все от души хохотали.

«Гимнаст пришел к доктору и говорит:

— Когда делаю стойку вверх ногами, то в голову сразу приливает кровь, а встаешь на ноги — притока нет.

Доктор ему в ответ:

— Все объяснимо: в ногах у вас нет пустоты».

Но скоро стало не до анекдотов.

В сентябре сорок первого под Полтавой их рота засела на высоте и попала в окружение. С нее просматривалась вся округа, и до позиций немцев было рукой подать. Каждый день, под вечер, внизу раздавался оживленный стук котелков. От запаха мяса и каши у солдат на высоте сводило желудок: сухие пайки давно кончились. После ужина снизу уже доносились сытые звуки немецкой гармоники и смех.

Высота была стратегической, и немцы бросили для ее захвата крупные силы. Ряды защитников редели, но высоту держали. Тогда немцы решили поступить проще: подтянули артиллерию и обрушили на окруженных смерч огня и металла. Земля вздрогнула и зашевелилась, вздымаясь от взрывов. Вот и у Виктора, почти над ухом, раздался свист, и ухнувший взрыв взметнул вал земли с бруствера окопа. Пронзительный крик шуплого белобрысого ефрейтора со смешной фамилией Босота смешался с грохотом и дождем осколков. В глазах взорвались разноцветные круги, и взрыв боли помутил сознание. Очнулся Виктор от резкой боли, открыл глаза и увидел кованный немецкий ботинок. Сапог нанес ему еще пару ударов, гулкой болью отдавшихся в голове, и затем слух оглушила немецкая речь. Человек десять оставшихся в живых повели под конвоем в сельский клуб. Там уже накопилось много пленных, присесть было негде, спали стоя.

Так он попал в плен. Первый лагерь запомнился отчетливо. Немцы, собаки с вывалившимися красными языками. Колочая проволока. Наши бойцы, лежавшие на широкой земле. Смерть косила, не разбирая, умирали от ран, голода и тифа. Умерших складывали в штабеля и затем грузили на машины. Кормили вонючей жижей со щепоткой горелых зерен. Раз после раздачи пищи к нему подсел шуплый пленный и, воровато озираясь, предложил за похлебку кусок копченой конины. Но сидящий рядом кряжистый мужчина того прогнал.

— Не конина это, а мясо, срезанное с трупов, — объяснил он, тряся головой при каждом слове.

— Контузия, — объяснил мужчина. Звали его Егор, ел он, смачно чавкая, размешивая в жестяной миске похлебку большими, толстыми корявыми пальцами, с вьезшейся в ногти грязью.

— Выжить тут можно, даже нужно. Мы еще нашим пригодимся. За все, гниды, ответят.

— Надо бежать, — чуть слышно прошептал Виктор.

— Всему свое время. Надо осмотреться.

Виктор машинально огляделся. Туманом заволкло все вокруг. Но белую пелену бдитительно рассекали кресты бревен караульных вышек, шаги патруля и лай собак.

Одним таким же туманным утром они решили бежать. Высчитали время смены караула. Все должно было получиться. Уже пролезли через проволоку, но удача отвернулась: приехала, как назло, машина с фуражом. Прожектор, проснувшись, высветил автомобиль, и их, уже перелезших через колючую проволоку, заметили. Напоминанием на всю жизнь остался шрам от приклада автомата, который вогнал ему в грудь охранник. Хорошо, что не расстреляли на месте.

Потом их разбросали по разным лагерям; прощаясь, они по-братски обнялись.

Лагеря менялись один за другим, и в каждом немецкая тюремная система исправно высасывала из него жизнь, впившись мертвой хваткой в беззащитное рабочее орудие.

Порой все казалось ожившим сценарием скверного кинофильма, на съемки которого он случайно попал. И казалось, вот-вот закулисный режиссер скажет: «Ну, вот и отснят последний кадр. Всех благодарю за участие», и все окажется игрой воображения, а он вернется домой.

Однако сценарий был реальностью и бесконечной вереницей смертей претворялся в жизнь.

Мысли о побеге не покидали Виктора. Уже был готов план, когда неожиданно его снова перевели в другой лагерь. Им оказался «Бухенвальд».

Лагерь встретил колонну новичков надписью, высеченной над металлическими воротами: «Jedem das seine».

— Что там написано? — спросил идущий рядом Ашот, армянин из Еревана.

— Каждому свое, там написано, — перевел Виктор.

— Что сие означает? — эхом раздался хриплый голос за спиной.

— Нацистский принцип справедливости. Они — высшая раса, остальные народы подлежат уничтожению в концлагерях, — ответил Виктор, не оборачиваясь. Оглядываться было нельзя, иначе можно получить удар прикладом автомата.

— Добро пожаловать в ад! — крикнул на ломаном русском языке стоящий у ворот охранник и загоготал.

Виктор вздрогнул.

За воротами всех выстроили на мощенной булыжником площади со стоящей поодаль виселицей. Неподалеку уныло темнели одноэтажные деревянные грязно-зеленые бараки. Вдали черными крышами поблескивали кирпичные здания. «Казармы для охраны», — сказал кто-то. За ними возвышалось здание с дымившей

трубой. «Наверное, крематорий», — догадался Виктор. Лужа под ногами отражала его съехившееся и совсем чужое лицо. Виктор уныло улыбнулся, и лицо в воде тоже скривилось в улыбку.

Толстый коротышка-офицер обошел строй. Весь его облик был чужим и угрожающим. Остановившись, он резко прокричал по-немецки. Аккуратный и ловкий переводчик громко сказал: «Вы прибыли в Бухенвальд. Сразу предупреждаю: тут строгий порядок. Имейте в виду, за все время существования из лагеря не было совершено ни одного побега».

Коротышка закрутил головой, глаза у него были красные, как у кролика.

Виктор глянул на небо. Оно было угрюмым, серым и бесцветным, как неволя.

Вновь прибывшие прошли санитарную обработку в бассейне с карболкой и каждому выдали номер. Теперь они стали не людьми, а просто номерами. Он стал номером 10491. Всем сунули робы, синие, изрядно поношенные.

— С умерших заключенных, видимо, сняли. Экономят, — брезгливо заметил высокий мужчина, близоруко щурясь.

Затем выдали деревянные выдолбленные колодки, надев которые, Виктор понял, что в такой обуви далеко не убежишь. Поместили в десятый барак. Здание в виде прямоугольника площадью сорок на пятьдесят метров. Грязно-желтая стена. Большой проход, по обеим сторонам в четыре яруса полати из неоструганных досок.

— Похоже, бывшая конюшня, — оглядевшись, хмыкнул рябой мужчина и добавил: — Я деревенский, знаю.

— Верно. Это бывший конезавод, теперь мы вместо лошадей тут пашем, — прошамкал изможденный беззубый доходяга, похожий на цыгана.

— Как кормят?

— Получше, чем в других лагерях. Только работаем по двенадцать часов в сутки, и СС лютует.

Слова цыгана подтвердились. Кормили лучше, давали мутную жидкую баланду и полтора грамма эрзаца — хлеба пополам с опилками. Но и контроль над военнопленными был хорошо организован. Два ряда колючей проволоки под током. Многочисленная охрана. Три раза в день номерная переключка. И лютовали немцы власть. В кураже могли забить плетками или растерзать овчарками.

Вечером, после пьянки, с хохотом, трелями губной гармоники вламывались в барак, высвечивали фонариками жертв и в порыве куража пускали автоматные очереди. Убитых после таких гулянок уносили десятками. Работали, как и сказал цыган, по двенадцать часов в сутки в каменоломнях и на подземном заводе по производству немецких ракет «Фау-2».

Прошел месяц, за ним второй, третий. Все одинаковые, серые и мрачные.

Виктор порой удивлялся, что еще жив и что ему бывает холодно или жарко, что может хотеть есть или пить, и что в его теле еще есть жизнь, хотя его окружали живые трупы с такими же, как у него, потухшими глазами.

На каждой переключке лагерное начальство вдалбливало, что Москва уже пала и немецкие войска ведут успешные бои, завоеывая Сибирь. То же самое передавалось по лагерной радиосети. Верить в это не хотелось.

Только мысли о побеге поддерживали его силы. Рядом с лагерем был густой лес, в нем можно затеряться. На это и был расчет.

И даже в этих условиях Виктор продолжал свои физические упражнения: разминал мышцы рук, ног, шеи, туловища, чтобы не утратить гимнастические навыки. И здесь его также прозвали «Гимнастом».

Неожиданная информация пришла из спецбарака: там услышали сообщение немецкого радио о том, что наши войска вышли к Кёнигсбергу. Это больше по-

ходило на правду: английские бомбардировщики все чаще стаями проплывали по небу в сторону Берлина. Шел март сорок пятого года.

Виктор уже был готов к побегу, но удача опять от него отвернулась. После переключки около сотни пленных перевели в другой лагерь, рядом с побережьем Северного моря. Лагерь окружали вышки с пулеметами. Что это означало, никто не понимал. Уже была слышна канонада орудий — значит, фронт близко. Но скоро все разъяснилось. Однажды утром после переключки всех вывели под усиленным конвоем из лагеря. Шли долго. Наконец, преодолев большой пригорок, увидели расстилающееся Северное море, у берега чернела сухогрузная баржа с буксиром.

— Топить будут, — волной по колонне прокатился ропот.

— Schweigen*! — закричали конвоиры.

В это время вид баржи с затаившейся в ней смертью затмил саму синь моря, его никто не увидел. Бывает такое.

— Глянь вверх, — раздался голос рядом.

Виктор поднял голову. В небе летела, быстро взмахивая небольшими крыльями, белая птица, ее голова была старательно опущена вниз, словно хотела предупредить о чем-то.

— Гагара, — кто-то пояснил за спиной.

— Свободные создания. Почему мы не птицы? — продолжался шепот слева.

Между тем вдали появилась черная точка, которая, стремительно разрастаясь, превратилась в сокола. Приблизившись к жертве, он взмыл ввысь и затем упал камнем вниз. Все замерли. Мгновение — и, издав истошный крик, гагара уже трепыхалась в когтях хищника. С расправленными крыльями сокол напоминал немецкую свастику.

«Свободе капут. И тут фашистский орел нашел жертву», — шептал с сожалением тот же голос.

Неожиданно за спиной Виктора раздался отчаянный крик: «Врешь, не возьмишь! Помирать, так с музыкой!» Несколько пленных побежали на охрану. Немцы скинули автоматы и патронов не жалели. Поскольку очереди были шальные, несколько пленных в колонне упало. Остальные замерли: хотелось еще пожить, хоть несколько дней. Дальше колонна двинулась в гробовом молчании, лишь нарушаемая беспечными разговорами конвоиров. Худые изможденные пленные напоминали серые тени, бредущие в преисподнюю.

Как оказалось вблизи, баржа была старая, поржавевшая, с облупленной краской. Палуба прогибалась под ногами, скрежеща кровельно-железным настилом. Дальше пленные, пройдя сквозь строй охраны немцев, пропадали в люке. Настал черед и Виктора. Деревянная скрипучая лестница уткнулась в дощатый пол. Он огляделся. Рядом почерневший борт. Высота трюма около пяти метров. Пахло сыростью и плесенью. Напряженные, приглушенные голоса. Лязгнули люковые крышки, и все поглотила темнота. Такое впечатление, будто попал в могилу. Загремела кровельная палуба. Отчетливо стучали в висках подковы сапог торопливо уходящих немецких солдат. Баржа вздрогнула, корпус устало заскрипел, и посудина с недовольным скрежетом двинулась.

Все растерянно молчали, затем раздались испуганные крики: «Взорвут! Утопят!» Плач, ругательства и крики слились в единый предсмертный вопль. Пленные стали метаться, натываясь в темноте друг на друга, падали, снова вставали. Кто-то ползал на четвереньках. Однако баржа продолжала плыть, и ничего не происходило. Люди стали успокаиваться. «Видимо, в другой лагерь везут», — раздалось

* *Schweigen* (нем.) — молчать.

радостные крики. Постепенно глаза привыкли к темноте и стали различать контуры людей и нехитрой обстановки. В корпусе баржи было много зияющих пробоин, из которых проникал свет. Все было не так уж плохо. В корме нашли дыру в четыре дюйма. Из нее можно было видеть море. Стали выстраиваться в очередь «посмотреть на море». Дошла очередь и до Виктора, и тогда он впервые увидел море. Сначала невольно зажмурил отвыкшие от света глаза. Но открыл снова. Море было спокойным и ласковым. В его сине-зеленых просторах беззаботно играли солнечные блики, похожие на зайчиков из его детства, когда они прыгали по стенам его комнаты.

— Время вышло! — осторожно засипел за спиной тихий голос. — Людей много в очереди!

Виктор сошел с лестницы, оглядел сидящую очередь «к морю» и уступил свое место другому. Его сразу окружили.

— Рассказывай скорее! Не молчи! — звучали тихие, но настойчивые голоса.

— Красиво!

— Знамо, — пропел кто-то.

Он отошел в сторону и сел.

Сколько времени прошло, никто не знал. Неожиданно донесся взрыв, и баржа подпрыгнула, охнув стальным днищем. Раздалась пулеметная очередь, затем ухнул новый взрыв. Все посыпались на пол. Гулко и тревожно застучало сердце. Из щелей в корпусе стал просачиваться запах гари.

— Похоже, взорвался буксир. Вон английский бомбардировщик, — сообщил смотревший в пробоину.

— Ура! — понеслись волнами возгласы.

Баржа раскачивалась на воде. Стало понятно, что буксир затонул, самолет улетел. И что дальше? Скоро освободят?

Шло время, но ничего не происходило. День сменился ночью. Голод и жажда стали невыносимы. У некоторых помутился рассудок, послышался бред, вызванный галлюцинациями. Вокруг Виктора ползали обессиленные люди. В трюме нарастал смрад от испражнений.

И тут началась буря. Баржа вздыбилась, стала подлетать и с уханьем опускаться на волны. От таких перепадов все внутренности едва не выскакивали наружу. Казалось, еще мгновение — и судно опрокинется. Снова началась паника. Однако уверенный громкий голос всех успокоил: «В барже есть воздушные резервуары вдоль бортов, они не дадут перевернуться. Это вам боцман говорит».

Но случилась другая беда: старая баржа не смогла долго выдерживать удары волн. В средней части корпуса раздался скрежет, обшивка лопнула, и через большую трещину потекла вода. Сняв с себя робы, пленники заткнули пробоину. Надолго ли?

Опять потянулись часы ожидания. В таком состоянии пленники, услышав шум приближающегося корабля, приняли его за очередную галлюцинацию. И лишь тогда поверили в реальность, когда услышали топот на палубе и из открывающегося люка раздалась английская речь!

Ошалевшие узники обнимались и целовались, подпрыгивали, как дети. Это была радость спасенных, воскресших людей.

А когда они еще узнали, что подписан пакт о безоговорочной капитуляции Германии, многие, не стесняясь, плакали. Вот так и сидело с полсотни всхлипывающих мужчин, не стыдящихся своих слез. А в голове у Виктора рефреном звучала фраза: «Отольются вам наши слезы...»

И вот он уже в эшелоне и, свесив ноги из теплушки, охмелевший от спирта, горланит песни. Эшелон ехал сутки без остановок и вдруг застрял на маленькой

станции. Все вокруг было забито эшелонами и людьми. Вечером на израненном взрывах перроне зазвучали песни и начались танцы под аккордеон.

Тогда он впервые услышал эту песню.

*А когда не станет горя и в помине,
и к своим любимым мы придем опять,
вспомним, как на запад шли по Украине,
эти дни когда-нибудь мы будем вспоминать.
Вспомню я пехоту и родную роту,
и тебя — за то, что ты дал мне закурить.
Давай закурим, товарищ, по одной,
давай закурим, товарищ мой!*

Хмельной Виктор настолько проникся словами песни, что даже потянулся к участливо предложенной сигарете. Но тут же спохватился: «Гимнасту курить нельзя и пить хватит. Двое так наакались, что ночью, как бревна, из вагона вывалились».

Вот и знакомое здание вокзала. В поношенном, не со своего плеча, пиджаке, коротких саатиновых брюках, тощий, мертвецки белый, с котомкой в руке, он стоял, озираясь на перроне. Родной город встретил жарким июньским солнцем. Но не успел он снять ветхий пиджак, как небо стремительно потемнело. Раздались, как выстрелы, залпы грома, от которых Виктор инстинктивно съежился, но тут же вспомнил, что война закончилась. Застучал дождь. Весь промокший, он спрятался под козырек дома. Кинжальный треск молний и раскаты грома заполнили все вокруг. Но грозы хватило лишь на десять минут, небо прояснилось и выглянуло солнце.

Ноги вели Виктора к родному дому, но не давали бежать. Только он убыстрял шаг, они, обессиленные пленом, подкашивались. Приходилось останавливаться, делая вид, что просто не спешит. Хотя мысленно уже открывал дверь дома и видел отца, мать, брата. По дороге его не покидало ощущение, будто он попал в чужой город, настолько все вокруг изменилось. Дома мрачно зияли провалами пустот и полуразрушенных стен. Палисадники заросли бурьяном. На месте клуба пепелище. Земля изрыта воронками от снарядов. Пруд, у которого они с Аней засматривались на уток, почернел, и от охранивших его березок остались торчавшие полуобгоревшие безжизненные стволы.

Подойдя к своей улице, Виктор нерешительно притормозил: он страшился увидеть вместо дома развалины. Постоял и решительно пошел навстречу неизвестности. Как же он обрадовался, увидев, что дом остался цел. Та же красная дверь с облупившейся краской. Поднял руку, чтобы постучать, для торжественности. Но вспомнил: мать глуховата, все равно не услышит, да и дверь их никогда не закрывалась на замок. Все друг друга знали. Дверь и сейчас не была закрыта. Прошел в коридор и, как в детстве, забыв пригнуться, ударился лбом о висящий таз.

«Забыл», — улыбнулся он.

Мать стояла спиной у стола.

— Мама, вот и я вернулся, — сказал Виктор.

Она обернулась. Постаревшая, серая, усохшая, мать испуганно смотрела на него запавшими от горя глазами. Перед ней стоял страшный, изможденный, обтянутый кожей скелет с глазами старика. Совсем непохожий на ее сына. Но это был сын, материнское сердце не обманешь.

Виктор по взгляду матери понял, что она его не узнала. Но вот она уже подошла и обняла его.

— Пришла похоронка, что ты под Полтавой в сорок первом погиб. А сердцем чувствовала, что живой. Так всем и говорила. Вот и шрам, — она погладила рубец на макушке сына, ребенком он упал со скирды.

Выбрав момент, он спросил.

— Мама, а как отец?

Она только крепче его обняла и прижалась к плечу:

— Погиб в сорок втором.

— А брат?

— В сорок третьем.

— Бедная. Как ты выдержала?

Мать молчала.

— А Аня?

— В сорок третьем. Похоронка ее родителям пришла.

Виктор смотрел в окно. Небо было синим-синим, словно бездонное озеро, с рассыпанными по нему, словно белые перья, облаками.

Когда-то в этом доме было всегда полно народа. Собирались на праздники, пели вместе за столом довоенные песни. Теперь тут тихо и пусто. Лишь в зеркале отражались две обнявшиеся тени.

В тумбочке так и лежали, ожидая его и веря в его возвращение, аккуратно сложенные спортивные трико, майки, и от этого на душе у Виктора потеплело и стало светлее.

Вечером он долго стоял у окна. Внизу был двор. Раздувалась на ветру развешенная на веревках одежда. За темнеющими тополями виднелись очертания обнимающейся парочки на скамейке. И за ними убегала улица к тому пруду, у которого он когда-то гулял с Аней. Тень возвышающейся котельной упала на окно и накрыла пол.

Когда совсем стемнело, Виктор прилег. В этот день впервые за последние четыре года он лег на матрац, застеленный белой простыней. Сначала даже было непривычно мягко, но потом сон увлек его в свои края.

Засыпая, он думал: теперь начнется безмятежная мирная, гражданская жизнь.

Мирная жизнь действительно началась, но вовсе не безмятежная.

Полумрак. Обшарпанные стены. Глазницы серых окон, забранных металлическими решетками. Между стеклами с обреченной неистовостью билась муха. Напротив, на ободранной стене, осуждающе смотрит портрет Сталина — вождя народов. Стул грибом, с одной ножкой. Угрюмые папки дел на облезлом металлическом столе. Сидящий грузный мужчина в темно-синей гимнастерке с двумя красными петлицами на плечах. Глаза мутные.

— Признавайся, что сам сдался в плен, немецкий прихвостень! — кричит следователь.

На Виктора пахнуло перегаром, и дальше этот запах обдавал его при каждом выдохе следователя.

Опешив, он сказал, что в сорок первом весь полк накрыло на высоте артиллерийским огнем немцев, что он был ранен и потерял сознание, очнулся — рядом фрицы.

— Все проверим! — кричал офицер. — Тебе повезет, если так и было. А если врешь, то ты — враг народа!

От крика тревожно закачалась на голом шнуре одинокая мутная лампочка.

В камере было десять человек. Все — бывшие в плену у немцев. Там умирали за колючей проволокой, здесь оказались за решеткой. Было горько и невыносимо больно от несправедливости, унижения и незаслуженного обвинения.

— Все равно в своей тюрьме сидеть лучше, чем в немецком лагере, — раздался хриплый голос.

— Сидеть везде хреново, — эхом ответил кто-то.

Каждый день Виктора по несколько раз водили на допрос. Допрашивали разные люди. Каждый из них кричал: «Признавайся, что сам сдался в плен, враг народа!»

Правда, били не активно, по привычке. Как Виктор понимал, ждали ответа на запрос. Других заволакивали в камеру в окровавленном бессознательном состоянии.

Пришло время, и допросы прекратились. Выдали паспорт.

— Начну снова заниматься гимнастикой, — поделился он своими планами с матерью.

Мать с сомнением посмотрела:

— Одна кожа да кости. Пока еще мясо-то нарастет. Погодь пока. А может, найти занятие поспокойнее?

Тренер долго смотрел на Виктора, потрогал его мышцы и покачал головой.

— Чтобы восстановить здоровье, тебе понадобятся годы, если вообще это возможно. А ты хочешь вернуться в гимнастику... — качал головой тренер, не глядя Виктору глаза.

— В плену я каждый день разминал мышцы, — с надеждой шептал Виктор.

В тот день он впервые увидел, насколько тренер сдал за годы войны.

В гимнастике говорят, что тренеры бывают разные: «работяги» и «сачки», «перестраховщики» и «кочегары», «в законе» и «дипломаты», «практики» и «теоретики», «пофигисты» и «одержимые».

Виктору повезло, Стас Григорьевич был одержимый, ставший ему не только тренером, но и отцом-учителем на жизненном пути. Почему-то при виде тренера он вспомнил Егора, первого, с кем он познакомился в плену. Внешне они были непохожи, но объединяли их понимание и внутренняя уверенность. «Где сейчас Егор? Жив ли? Наверное, никогда не узнаю», — думал Виктор.

И он вернулся в спортивный зал. Но не смог даже подтянуться на перекладине. Один раз мучительно отжался и, обессилев, потерял сознание. До скамьи пришлось ползти. Но на следующий день он снова пришел на тренировку и начал с простых упражнений для разминки тела: наклонов, поворотов, приседаний, вращения. И так день за днем упорно и методично. После каждой тренировки Виктор долго лежал изнуренный, но следующий день снова упрямо возвращался в спортивный зал.

Когда первый раз тренер принес ему кусок сала и ломоть хлеба, Виктор наотрез отказался брать. Но Стас Григорьевич спокойно и настойчиво сказал:

— Организм надо восстанавливать питанием. Это я все равно не съедаю. Бери, а то перестану тренировать.

Он смотрел на Виктора отцовскими глазами, и Виктор взял сало и хлеб. А что оставалось делать? Спустя годы он узнал, что тренер отдавал ему свою еду, а сам голодал.

Но тогда у Виктора все мысли были о гимнастике и о том, чтобы вернуть былую форму. Бег по кругу. Прыжки со скакалкой. Гимнастическая стенка. Гантели. Отжимания от пола. Штанга. Брусья. Нескончаемые отмахи прямым телом в стойку. И так из ночи в ночь в холодном зале. А утром на работу, затем в Институт физкультуры на учебу.

Через год, ощупывая руки и ноги, он уже чувствовал не дряблое мясо, а тугие мускулы. Стала заметно толще спина, шире плечи.

— В нашем деле главное — выучка, — говорил Виктору тренер. — Можно обладать шикарными данными, но не уметь правильно поднять ногу или, что еще хуже, приучиться неправильно делать это. С выучкой связано совершенство исполнения любых упражнений, о ней свидетельствует даже обычная походка. Как раз выучке научиться можно.

И Виктор отшлифовывал каждый даже самый простой элемент, просто стойка или угол на брусьях, но он учился делать все идеально. Если угол — то четко прямой, а не девяносто семь градусов, не восемьдесят два.

И вот он вошел в сборную страны: и дебютант, и ветеран одновременно. Молодежь, кто искоса, а кто с восхищением поглядывала на него, а Виктор от расторопности держался в стороне от всех.

Но однажды он не выдержал и вмешался в разговор. Дело было после тренировки. Самый молодой спортсмен, Олег Тихомиров, назидательно сказал гимнастке: «Среди нас, гимнастов, есть изречение: гимнасты — это люди, всю жизнь находящиеся то на махе впереди, то на махе сзади».

Виктор остановился и уточнил: «А среди наших гимнастов есть иное изречение. Гимнаст — это не только акробат, но одновременно и музыкант, и дирижер, и художник. А великий философ Платон сказал, что боги подарили людям два вида искусств: музыку и гимнастику».

И тогда впервые за долгие годы все увидели, как Виктор улыбается, что с ним теперь бывало крайне редко. Улыбка была такая добрая, искренняя и красивая, что все в ответ невольно тоже заулыбались.

И словно смутившись своей улыбкой, Виктор опустил голову и быстро ушел.

Алексей, старший из гимнастов, оглядев сборную, назидательно заметил:

— Учитесь, салаги. Чикалин — это гимнаст с головы до пят и спортсмен от Бога!

И вот Олимпийские игры. Зрители, корреспонденты, судьи, спортсмены из других стран смотрят оценивающе на сборную СССР.

Между тем наши гимнасты выбывают из борьбы один за другим. Михаил срывается с перекладины, Валентин засыпается на брусьях. Японец Тадао в упражнении на брусьях получает оценку девять целых восемьдесят пять сотых балла. Газеты уже пестрят статьями, что победа достанется японцу и никому другому. Единственным, кто может превзойти конкурента остается Виктор Чикалин. Но ему нужно было получить оценку не ниже девяти целых пятидесяти пяти сотых балла в последнем упражнении. Балл не запредельный, но оставались вольные упражнения, а это была «ахиллесова пята» Виктора. Его преимущество было на брусьях, коне, но в вольных упражнениях он проигрывал в артистизме — давали себя знать годы плена.

Виктор вышел на помост последним. Скамейка кажется узкой, твердой и раздражающей. Узкая майка неприятно сдавливает грудь. Тапочки сжимают ступни. Он весь покрылся потом и даже слышал его запах. Зал отталкивающе гудел, улюлюкал, брызжал. Виктор встал, расправил плечи и снова сел.

— На площадку приглашается Виктор Чикалин. Советский Союз, — звучит по стадиону.

Виктор сделал вдох-выдох, выпрямился, и беспокойство уступило место сосредоточенности.

Зал замер. Застыли в напряжении спортсмены и судьи. И лишь мигали голубые вспышки «блицев». Глухую тишину приумолкнувших трибун нарушал стрекот камер да легкое жужжание ламп. И под прицелом тысяч взглядов на ковер идет Виктор. Казалось, все перестали дышать. Проходя, он бросил взгляд на японского спортсмена. Японец криво ухмыльнулся.

Росчерк ноги прорезает наэлектризованный тугой воздух. Прыжок, кувырок и вихрь комбинаций сливается в симфонию азартной пляски, словно танец откровения на краю скалы. Кажется, что воздух наполнился ритмом, энергией и обжег своим дыханием зрителей, вовлекая в рождение чего-то изумительно прекрасного. Финальный взмах — и зал выдыхает. Все взгляды устремляются на табло. Там оценка девять целых и пятьдесят пять сотых балла! Всегда невозмутимый Виктор, до этого замерший в спортивной стойке, вдруг, изогнувшись, делает шаг-прыжок, за ним другой, третий. Радость, ликование были в его полетах-шагах, и, не дойдя до ступенек помоста, он бросается в объятия товарищей по команде.

— Мы победили! Мы первые! — кричит он, размахивая майкой. Стоящие спортсмены замерли, глядя на его грудь с глубоким шрамом.

— Это от неудачного побега осталось, — беспечно отвечает Виктор, его лицо сияет, глаза горят.

На следующий день все газеты пестрели заголовками с фотографиями Виктора. Цитировали слова японского гимнаста: «У этого спортсмена невозможно выиграть». В других изданиях приводились слова немецкого спортсмена: «Геометрическую точность полета Чикалина можно повторить только с помощью линейки и циркуля».

Москва встретила чемпиона унылым, обшарпанным перроном с несколькими журналистами. Виктор дал интервью и пошел с тренером в железнодорожную кассу. Билеты были только на следующий день, и им ничего не оставалось, как ночевать на вокзале.

— Это даже к лучшему, — шутил Виктор. — Хоть по Москве погуляем, на Красную площадь сходим. Кстати, надо найти почтамт. Позвоню домой матери с женой, они же так ждут меня.

И улыбнулся. Второй раз за месяц.

Рассказ основан на реальных событиях.

Виктор Иванович Чукарин, бывший узник Бухенвальда, гимнаст, чемпион мира, обладатель семи золотых олимпийских медалей.

Ушел из спорта в тридцать шесть лет, ни разу не испытал горечи поражения. Так и остался непобедимым.

Умер в 1984 году.

Его именем названа улица в городе Львове и не переименована по сей день.

